

Торнтон-Хаус

Дамир Янсуфин

Торнтон-Хаус

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

Торнтон-Хаус / Д. Янсуфин — «Автор», 2026

Молодая аристократка Сюзан Торнтон, выросшая в роскоши нью-йоркских пентхаусов, неожиданно получает в наследство от давно забытого родственника старый отель в глухой пенсильванской глуши. «Торнтон-Хаус», построенный в начале XX века, давно утратил былое величие: здание ветшает вдали от цивилизации, среди лесов и полей, где почти не ловит сотовая связь. Вместо того чтобы последовать совету нотариуса и сдать проклятое место под снос, Сюзан решает осмотреть наследство. С этого момента её жизнь превращается в спуск в бездну — буквально и метафорически. Отель дышит, помнит, наблюдает. Здесь когда-то гремели балы, звучал джаз, кружились пары. Здесь же люди сходили с ума, кончали с собой, исчезали в лабиринте из тиса. Земля, на которой стоит отель, хранит память индейских проклятий, пуританских казней и векового ужаса.

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дамир Янсуфин

Торнтон-Хаус

Глава

Кадр 1: Нью-Йорк, роскошный кондоминиум с панорамными окнами.

Утро. Сьюзан (26 лет, безупречный кашемировый комплект, волосы убраны в элегантную, но будто небрежную низкую пучку) пьет эспрессо, просматривая что-то на планшете. На заднем плане виден Центральный парк. Тишину нарушает звонок личного секретаря: «Мисс Торнтон, вас ожидает мистер Филдс, нотариус. Он настаивает на личной встрече».

Кадр 2: Гостиная того же кондоминиума.

Мистер Филдс (пожилой, строгий, в очках) сидит на диване Карла Роберта. Перед ним — папка с выцветшей бумагой. Сьюзан с вежливым, но отстраненным любопытством слушает его.

Мистер Филдс: (сухо, откашливаясь) Мисс Торнтон, я представляю интересы покойного Арчибальда Торнтона, вашего... троюродного деда, если не ошибаюсь. Он скончался две недели назад в Пенсильвании.

Сьюзан: (слегка хмурясь) Арчибальд... Да, я помню это имя из семейного древа. Мы никогда не встречались. Отец называл его «чудаком из глуши».

Мистер Филдс: (кивая) Чудак — это мягко сказано. Однако он был юридически вменяем и оставил четкое, недавно обновленное завещание. Основным наследником указаны вы.

Сьюзан: (искренне удивлена, ставит чашку) Я? Но почему? У него же должны быть более близкие родственники.

Мистер Филдс: (пролистывает документ) По его словам, цитирую: «Потому что у нее в глазах есть тот же огонь, что был у Элинор». Элинор, полагаю, его покойная жена. А теперь к сути наследства. (Он открывает папку и выкладывает фотографию. Не современный снимок, а старую, потрепанную открытку, на которой изображено мрачное, но величественное здание из темного кирпича с остроконечными крышами и широким крыльцом. Надпись: «Гранд-отель «Торнтон-Хаус», 1927 г.»)

Сьюзан: (берет открытку, рассматривает с любопытством) Отель?

Мистер Филдс: Именно. «Торнтон-Хаус» был построен вашим прадедом в 1910 году, некогда это был курорт для состоятельных граждан, желавших «дикого» отдыха на природе. Арчибальд унаследовал и управлял им до... ну, примерно до 1980-х. С тех пор всё пошло на спад.

(Крупный план на фотографии. Музыкальное сопровождение — ностальгическая, но тревожная струнная нота).

Мистер Филдс: (продолжает, его голос звучит как закадровый) Я обязан вас проинформировать о текущем состоянии актива. Отель расположен в удаленной местности, примерно в 100 километрах к северо-востоку от Питтсбурга. Последние 60 километров — это проселоч-

ная, местами разбитая дорога через лесной массив. Сотовая связь и интернет, как мне сообщили, там практически недоступны. Здание сильно обветшало. Инженерные системы устарели на десятилетия. Посетителей в последние годы были единицы. Фактически, это призрак своего бывшего величия.

Кадр 3: Сьюзан все еще смотрит на открытку, но ее взгляд уже не рассеянный.

Она водит пальцем по контуру здания. Это нечто реальное, осязаемое, в отличие от цифр на ее банковских счетах. След прошлого, о котором она не знала.

Сьюзан: (медленно) Что он хотел с ним сделать?

Мистер Филдс: (пожимает плечами) В завещании нет указаний. Только право собственности переходит к вам. Поэтому, как ваш юридический консультант в этом вопросе, я должен рекомендовать наиболее рациональный выход. (Он закрывает папку с решительным щелчком). Оценка земли — лесной участок около 50 гектаров. Здание — это не актив, а обуза. Риски, долги по базовым налогам... Логичнее всего нанять подрядчика, снести постройку и продать землю. Это может принести некоторую, хотя и не выдающуюся, прибыль после покрытия издержек.

Кадр 4: Сьюзан отрывает взгляд от фотографии и смотрит в окно на небоскребы.

Камера показывает ее отражение в стекле, наложенное на образ старого отеля с открытки. Два мира столкнулись.

Сьюзан: (ее голос тихий, но твердый, она поворачивается к нотариусу) Продать землю... И стереть это с лица земли?

Мистер Филдс: Это просто бизнес, мисс Торнтон. Сентиментальность здесь неуместна.

Сьюзан: (внезапно улыбается, и в ее глазах действительно вспыхивает тот самый «огонь», о котором писал старик) Возможно. Но я не могу принять решение, даже чисто деловое, не увидев то, чем я теперь владею. (Она встает, держа открытку в руках). Я хочу его увидеть. Своими глазами.

Мистер Филдс: (вздыхает, понимая, что рациональные аргументы проиграли) Как пожелаете. Вот ключи. (Он достает из кармана огромный, ржавый ключ на кольце и современную ключ-карту). Старый и... чуть менее старый. Координаты и схема проезда в папке. Позвольте лишь дать один практический совет.

Сьюзан: (берет ключи. Они неожиданно тяжелые).

Мистер Филдс: Не задерживайтесь там после наступления темноты. Место... глухое. И, по слухам, немного жуткое.

(Финал сцены. Камера медленно отъезжает от Сьюзан, которая стоит посреди светлой гостиной, сжимая в руке холодный металл ключа. Ее взгляд устремлен вдаль, но она видит не Манхэттен, а темный лес и силуэт старого здания. Музыка нарастает, превращаясь в полное предчувствий, медленное фортепиано с легким диссонансом).

СЛОЖНЫЙ ПЛАН: Ржавый ключ в ее изящной руке на фоне небоскребов за окном.

НАДПИСЬ НА ЭКРАНЕ фильм: ТОРНТОН-ХАУС

Кадр 5: Дорога.

Сюзан за рулем своего чёрного Range Rover. Музыка в салоне — что-то современное и бодрое. Постепенно сигнал пропадает, радио замолкает, остаётся только гул двигателя. Она сворачивает с широкой магистрали на двухполосную дорогу, потом — на асфальтовую ленту, покрытую трещинами, а затем начинается гравийная проселочная дорога. Поля с одинокими фермами остаются позади.

Кадр 6: Лес.

Дорога ныряет в густой, старый лес. Солнечный свет с трудом пробивается сквозь плотный навес из листьев, заливая всё зеленоватым, призрачным светом. Навигатор давно показывает «Потерян сигнал». Сюзан то и дело смотрит на распечатку со схемой, лежащую на пассажирском сиденье. Дорога становится уже, ветки скребут по бокам автомобиля. Настроение меняется — от любопытства к лёгкой тревоге и сосредоточенности. Она проезжает мимо полуразрушенного указателя с едва читаемой надписью: «Thorton House — 5 mi».

Кадр 7: Поле и первая встреча.

Внезапно лес расступается. Камера выезжает вместе с машиной на просторное, залитое послеполуденным солнцем поле, поросшее высокой, золотистой травой. И посреди этого поля, как корабль-призрак, выброшенный на берег времени, стоит «Торнтон-Хаус».

(Монументальный общий план. Музыка затихает, остаётся только звук ветра и двигателя).

Здание — три этажа из тёмного, почти бурого кирпича, с остроконечными фронтонами, широкой верандой по всему первому этажу и высокими, узкими окнами. Часть ставней сорвана, черепица местами отсутствует, труба слегка покосилась. Но в его облике нет жалкой разрухи — есть величественное, гордое увядание. Оно не просит жалости, оно просто... стоит, помня лучшие дни. Длинная подъездная аллея, обсаженная заросшими елями, ведёт к парадному входу.

Кадр 8: Подъезд.

Сюзан глушит двигатель. Тишина оглушает. Только шелест травы и крик какой-то далёкой птицы. Она выходит, шурясь от солнца, и смотрит на здание, задирая голову. Воздух пахнет хвоей, сырой землёй и... странной, сладковатой нотой старого дерева. Она замечает дымок, поднимающийся из одной из дальних труб. Значит, *кто-то* здесь есть.

Она поднимается по скрипучим ступеням широкого крыльца. Массивная дубовая дверь с витражной вставкой (на ней изображён олень в лесу, часть стекла выбита) приоткрыта. Сюзан толкает её.

Кадр 9: Вестибюль.

Она попадает в просторный, высокий вестибюль. Пахнет воском для полов, пылью и старой бумагой. Потолок с темными деревянными балками. Паркет под ногами когда-то был роскошным, сейчас он потёрт и скрипит. По стенам — выцветшие обои в полоску и старинные чёрно-белые фотографии: охотничьи сцены, дамы в длинных платьях на веранде. Слева — массивная лестница наверх, справа — дубовый стойка ресепшена, за которым виднеется дверь в подсобку.

За стойкой неподвижно стоит женщина. Ей на вид за семьдесят. Она одета в строгий, но старомодный костюм-двойку темно-синего цвета, седые волосы убраны в тугий пучок. Её лицо — карта прожитых лет, но осанка безупречна. Она смотрит на Сюзан не как на незваную гостью, а как на долгожданного гостя, чей приезд был предопределён.

Кадр 10: Встреча.

Сьюзан медленно подходит к стойке. Тишину нарушает только тиканье огромных настенных часов где-то в глубине зала.

Пожилая женщина: (Её голос сухой, тихий, но идеально чёткий, без тени подобострастия или удивления). Добрый день, мисс Торнтон. Мы вас ждали.

Сьюзан, которая уже приготовилась объяснять, кто она и зачем приехала, замирает на полуслове. Эта фраза, сказанная так естественно, сбивает её с толку больше, чем любое «Кто вы?».

Сьюзан: (слегка сбита с толку) Здравствуйте. Вы... знали, что я приеду?

Женщина: (едва заметно кивает) Мистер Арчибальд говорил, что вы приедете. Когда придут письма от юриста. Меня зовут Марта. Я управляю... управляла отелем для мистера Торнтона. И помогала ему в последние годы.

Сьюзан: (оглядывая пустой вестибюль) Вы здесь... одна?

Марта: (её губы чуть тронула тонкая, нечитаемая улыбка) О, нет. Есть ещё дворецкий, мистер Гроув, он занимается котлом и всем, что стучит и скрипит. И девушка для уборки, Элси. Она приходит три раза в неделю. Мы поддерживали порядок. В ожидании.

Это слово «в ожидании» повисает в воздухе, тяжелое и многозначное.

Сьюзан: В ожидании чего?

Марта: (игнорируя прямой вопрос, открывает большую потёртую книгу регистраций) Вам приготовлены апартаменты. Лучшие. «Охотничьи покои» на втором этаже. Они всегда оставались для семьи. Позвольте, я провожу вас. (Она достаёт из-под стойки не электрический фонарик, а настоящий, старомодный латунный ключ на тяжёлой бляхе с гравировкой «ТН»). Мистер Гроув позаботится о вашем багаже.

Как по волшебству, из-за угла лестницы появляется высокий, сухопарый мужчина лет восьмидесяти, в потрёпанном, но чистском костюме-тройке. Он молча кивает Сьюзан.

Сьюзан: (очувтившись в ловушке странного, разворачивающегося по собственному сценарию ритуала) Спасибо, но я... я только хотела осмотреть...

Марта: (перебивая мягко, но непрекаемо) Все успеется. Дорога была долгой. Вам нужно отдохнуть. Потом... вы увидите всё, что пожелаете.

Марта выходит из-за стойки и направляется к лестнице, явно ожидая, что Сьюзан последует за ней. В её движениях — достоинство старой гвардии, не допускающей мысли о неподчинении.

СЛОЖНЫЙ ПЛАН: Лицо Сьюзан. В её глазах смесь изумления, нарастающего любопытства и первой, едва уловимой тени беспокойства. Она приехала в заброшенный отель, а попала в чужую, до мелочей продуманную пьесу, где для неё уже давно приготовили роль.

ЗАКАТНЫЙ КАДР: Сьюзан поднимается по широкой лестнице вслед за непреклонной спиной Марты. Их шаги гулко отдаются в пустом холле. Камера остаётся внизу, глядя на них снизу вверх, пока они не скрываются на тёмном втором этаже. Тиканье часов звучит теперь громче.

Кадр 11: «Охотничьи покои».

Комната огромная, мрачная и величественная. Высокий потолок с лепниной, по стенам — тёмные деревянные панели и обшивка до половины стены. На одной стене — гигантский

камин из грубого камня, над ним на кованых крюках висят настоящие, старинные охотничьи трофеи: голова оленя с ветвистыми рогами и чучело кабана, чьё каменное клыкастое выражение кажется зловещим в полумраке. Мебель — массивная, дубовая, покрытая тяжёлыми, выцветшими от времени тканями. Окна выходят на задний фасад отеля — на бескрайний, уходящий к гористому хребту лес. Марта открывает тяжёлую портьеру, и в комнату врывается косой луч заходящего солнца, в котором пляшут пылинки.

Марта: Котёл работает. Горячая вода будет к вечеру. Если что-то понадобится — в углу шнур для звонка горничной. (Она указывает на плетёный шнур с кисточкой у кровати). Ужин в столовой в восемь.

Она кланяется, точнее, делает лёгкий, почти незаметный кивок головой, и бесшумно выходит, закрыв за собой дверь с мягким, но глухим щелчком.

Сьюзан остаётся одна. Она подходит к окну, смотрит на лес, который уже начинает погружаться в вечерние тени. Воздух в комнате холодный, несмотря на едва слышное шипение радиатора. Она достаёт телефон. **На экране — одна деления, иногда «нет сети».** Она пытается открыть браузер, чтобы проверить почту или отправить сообщение друзьям. Страница с названием отеля начинает грузиться с чудовищной медленностью, картинки не загружаются, зелёная полоска прогресса почти не движется. Через минуту она просто зависает. Сьюзан с раздражением и лёгкой тревогой кладёт телефон на массивный комод. Она чувствует себя отрезанной от мира — по-настоящему, физически. Здесь не просто плохой сигнал, здесь — другое время.

Она осматривается. Всё дышит стариной: тяжёлые шторы, ковёр с причудливым викторианским узором, вытертым до дыр в некоторых местах, настольная лампа с абажуром из зелёного стекла. Даже розетки — старые, круглые, с двумя отверстиями. Это не стилизация — это законсервированная реальность. Она подходит к телефону на тумбочке — это старый дисковый аппарат, чёрный, покрытый пылью. Она поднимает трубку — там тишина, мёртвая тишина, даже шума нет. Линия, похоже, давно отключена.

Кадр 12: Ужин в почти пустой столовой.

Столовая поражает своими размерами. Длинный дубовый стол, способный усадить двадцать человек, накрыт лишь на одном конце. Сьюзан сидит одна под огромной хрустальной люстрой, в которой горят лишь половина лампочек, создавая пулы света и глубокие тени. Марта подаёт ужин — простой, но качественный: суп-пюре, ростбиф с картофельным пюре, тушёные овощи. Всё словно из другой эпохи.

Сьюзан: (после долгой паузы) Марта... Он всегда был таким... пустым?

Марта: (стоит чуть поодаль, как старомодная экономка) Нет, мисс. В двадцатые, тридцатые, даже сороковые годы сюда приезжало всё лучшее общество из Питтсбурга и даже из Филадельфии. На охотничий сезон. На рождественские балы. Это было место, где можно было уединиться, но с комфортом. Зимой горели все каминны, музыка играла, шампанское лилось рекой.

Она говорит это без ностальгической улыбки, просто констатируя факты, как будто зачитывает из гостевой книги.

Сьюзан: А что случилось потом?

Марта: (слегка поправляет салфетку на своём подносе) Мир изменился, мисс Торнтон. Люди стали летать на самолётах в более тёплые и модные места. Молодёжи наша тишина и олени на стенах стали казаться... скучными. Дорогу так и не сделали хорошей. Стали говорить, что это место... отстало от времени.

Она делает небольшую паузу, её взгляд становится отстранённым.

Марта: А потом... просто перестали приезжать. Изредка забредали случайные путники, потерявшиеся, или любители «заброшек». Но мистер Арчибалд не любил таких. Он говорил: «Либо настоящие гости, либо никто».

Сьюзан: (глядя на пустые стулья, выстроившиеся в ряд в темноте) И сейчас... клиентов совсем нет?

Марта: (её голос звучит особенно чётко в тишине зала) Последний платный гость был здесь три года назад. Молодой человек, фотограф. Он хотел снять «ауру упадка». Прожил две ночи. На третье утро уехал, не попрощавшись. С тех пор — только мы. Да вы.

Она произносит это так, как будто Сьюзан — не владелец, а именно тот самый долгожданный, последний настоящий гость.

СЛОЖНЫЙ ПЛАН: Лицо Сьюзан при свете люстры. Она понимает, что купила не просто недвижимость. Она унаследовала целый мир, застывший в amber, целую историю, которую теперь вынуждена нести на своих плечах. Тишина вокруг становится не просто отсутствием звука, а чем-то плотным, живым, слушающим.

Звук: Гулко тикают часы из холла. Где-то в глубине здания скрипит половица — возможно, от шагов мистера Гроува. Или нет.

Кадр 13: Ванная комната.

Ванная поражает размерами и готическим размахом. В центре — огромная, ногастая ванна на лапах-когтях, выкрашенная в потрескавшуюся белую эмаль. Сьюзан включает кран — с гулом и лязгом из труб хлещет сначала ржавая, а затем чистая, обжигающе горячая вода. Она наполняет ванну, добавляя найденный на полке пузырёк с высушенной, но всё ещё пахнущей лавандой солью. Пар запотеваает огромное зеркало в резной раме. Всё здесь — от смесителей в виде голов львов до кафеля с винтажным цветочным узором — кричит о другом столетии. Приняв ванну, Сьюзан, закутавшись в огромный, грубоватый, но мягкий хлопковый халат, чувствует неожиданное умиротворение. Давление Нью-Йорка, совещаний, светских обязательств — всё это осталось за сотни миль.

Кадр 14: Борьба со связью.

Она садится на край огромной кровати, снова берёт в руки телефон. В углу комнаты, у окна, после нескольких безуспешных попыток, ей удаётся поймать *один* шаткий делений. Этого хватает, чтобы мессенджер наконец-то отправил вертящийся значок отправки. Она пишет подруге: «Добралась. Место... сюрреалистичное. Как съёмки исторического фильма, но без актёров. Нет связи. Это сообщение может прийти через час. Всё в порядке. Не скучай». Значок крутится, крутится и наконец превращается в галочку «доставлено». *Спустя сорок минут.* Она чувствует странную смесь облегчения и ещё большей изоляции: мир знает, где она, но помочь, если что-то случится, не сможет никто. Она ставит телефон на зарядку, подключив его к адаптеру, воткнутому в ту самую старую розетку.

Кадр 15: Ночь. Размышления.

Сьюзан гасит свет — настольную лампу с зелёным абажуром, — оставляя гореть лишь ночник у кровати в виде крошечного фонаря. Комната погружается в глубокий, подвижный

мрак. Тени от рогов оленя на стене вытягиваются в причудливые, угрожающие очертания. Она лежит, глядя в потолок, прислушиваясь к звукам дома.

Скрип. Шорох. Глухой удар где-то вдалеке.

Но это не пугает её. Напротив, это звуки жизни. Дом дышит. Остывают трубы, дребезжат старые стекла от ночного ветра, кто-то (мистер Гроув? Марта?) неторопливо перемещается на первом этаже.

Голос Сьюзан (внутренний монолог, тихий, задумчивый):

«Он... красивый. По-своему. Могучий. Как старый, раненый лев. Не похоже, чтобы тут что-то разваливалось от безнадёги... Скорее, просто уснуло. Крыша течёт — да. Проводка, наверное, кошмар. Отопление — дровяной котёл в подвале, как в Средневековье. Сантехника... Боже, даже думать страшно. А этот вестибюль... его нужно отреставрировать, а не менять. И мебель... часть — просто антиквариат».

Она переворачивается на бок, смотрит на световое пятно от луны на потёртом ковре.

Голос Сьюзан (продолжение):

«Но вложения... Миллионы. Десятки миллионов. На что? Чтобы открыть „исторический бутик-отель“ в ста милях от цивилизации? Кто поедет? Инстаграмные блогеры за бесплатный завтрак? Они сюда и доехать-то не смогут. Охотники? Их сейчас мало. Романтики, ищущие уединения? Есть спа на Бали получше».

Она вздыхает, и вздох эхом разносится в большой комнате. Мысль о предложении нотариуса, холодная и рациональная, снова всплывает в голове: *снести и продать землю*. Это логично. Это правильно. Это то, что сделал бы её отец.

«Но тогда... не останется ничего. Ни от этого места, ни от того „огня в глазах“, который увидел во мне чужой старик. Просто будет ещё один участок леса, проданный под чью-то третью загородную резиденцию или под вырубку».

Она закрывает глаза. Вместо цифр в сметах перед ней проплывают образы: пустой бальный зал с паркетом, по которому когда-то скользили пары; веранда, с которой открывается вид на осенний лес, полыхающий красками; тишина, в которой можно *думать*, а не просто реагировать.

СЛОЖНЫЙ ПЛАН: Её лицо в полумраке. Борьба между наследственной практичностью и новорождённой, необъяснимой привязанностью.

ФИНАЛЬНЫЙ МОМЕНТ СЦЕНЫ:

Сьюзан открывает глаза. Они блестят в темноте.

Сьюзан (шепчет себе самой, уже почти засыпая):

«Завтра. Завтра всё осмотрю. Снизу доверху. А потом... потом решу».

Она поворачивается, уткнувшись лицом в прохладную, свежую подушку. За окном воет ветер, гоняя сухие листья по пустующему полю. Старый отель, будто услышав её слова, издаёт долгий, скрипучий стон — где-то в глубине своей каркасной конструкции. Но это уже не звук угрозы. Это звук... ожидания.

Кадр 16: Утро. Завтрак.

Сьюзан просыпается от резкого луча солнца, бьющего прямо в глаза через незашторенное окно. Воздух в комнате холодный и свежий. Она спускается в столовую, где уже пахнет кофе

и горячими тостами. На небольшом сервировочном столике — скромный, но свежий завтрак: яичница, бекон, тосты, джем в хрустальной розетке. Марта, как тень, появляется, чтобы налить кофе из тяжелого серебряного кофейника.

Сьюзан: Спасибо, Марта. После завтрака я хотела бы осмотреть отель. Полностью.

Марта: (кивает, как будто этого и ожидала) Конечно, мисс Торнтон. С чего бы вы хотели начать?

Сьюзан: (решительно) С самого интересного. С того, ради чего сюда когда-то приезжали.

Кадр 17: Бальный зал.

Марта ведет ее через серию коридоров, мимо закрытых дверей гостевых комнат. Наконец, она останавливается перед огромными двустворчатыми дверьми из темного дерева с матовыми стеклянными вставками. Марта с усилием толкает одну створку, и та с громким скрипом подается.

Они входят. **Общий план бального зала заставляет Сьюзан задержать дыхание.** Это огромное, высокое помещение с целой стеной окон, выходящих в сад. Паркетный пол, когда-то светлый и блестящий, сейчас тусклый, покрытый толстым слоем пыли, но на нем все еще видны причудливые инкрустации. В одном конце — небольшая эстрада для оркестра, на ней стоит зачехленное пианино и несколько пюпитров. По стенам — изящные, но облупившиеся лепные гирлянды и бра с пустыми, запыленными плафонами. Гигантская хрустальная люстра, сестра той, что в столовой, затянута паутиной и мерцает в солнечных лучах, как призрачное сокровище.

Марта: (ее голос тихо резонирует в пустоте) Здесь танцевали до рассвета. 1926-й, Новый год. Оркестр приезжал из Нью-Йорка. Вино лилось из фонтана в виде амура, но его давно нет... Сюда приезжали молодые пары, заключались сделки, рождались сплетни, которые потом обсуждали весь сезон.

Она проводит рукой по пыльному поручню у стены.

Марта: Последний большой бал был в 1958 году. По случаю совершеннолетия младшего сына семьи Вандербилтов. Потом... потом уже не до балов стало.

Сьюзан медленно идет по центру зала. Ее шаги отдаются гулким, пустым эхом. Она может почти слышать призраки музыки, шелест платьев, звон бокалов. В этом запустении было больше жизни, чем в сотне переполненных нью-йоркских клубов.

Кадр 18: Знакомство с мистером Гроувом.

Возвращаясь в вестибюль, они сталкиваются с высоким, сухопарым мистером Гроувом. Он несет стальную канистру с машинным маслом.

Марта: Мистер Гроув, это мисс Торнтон. Новая хозяйка.

Мистер Гроув: (ставит канистру, вытирает руку о холщовый фартук и кивает, почти не глядя Сьюзан в глаза. Его голос скрипуч и сух, как осенняя листва) Мисс. Котел работает. Крыша в северном крыше течет. Я починил, на время. Если будет буря — потечет снова.

Сьюзан: Спасибо, мистер Гроув. Вы здесь давно?

Гроув: (смотрит куда-то мимо ее плеча) С прихода мистера Арчибальда. До него служил его отцу. Знаю каждый скрип каждой доски в этом доме.

Он говорит это не с гордостью, а с фатальной обреченностью, как тюремный надзиратель, прикованный к своей крепости. Он снова берет канистру и удаляется в сторону коридора, ведущего, предположительно, в подвал.

Кадр 19: Лабиринт.

После осмотра гостевых этажей (длинные коридоры с коврами цвета запекшейся крови, десятки одинаковых темных дверей) Марта ведет Сьюзан через черный ход на задний двор.

Сьюзан: А что там, за этими кустами? — она указывает на высокую, подстриженную стену из темного тиса, видневшуюся в дальнем конце заросшего сада.

Марта: (впервые в ее голосе звучит нечто, кроме бесстрастия — легкая, почти мистическая нотка) Это... лабиринт. Его посадил еще первый мистер Торнтон. Развлечение для гостей. Он...

Она не заканчивает. Сьюзан уже идет вперед, к зеленой стене. Она находит вход — узкую арку в живой изгороди. Ветви тиса сомкнулись так плотно, что внутри царит зеленоватый полумрак, прохлада и абсолютная тишина. Птиц не слышно.

Крупный план лица Сьюзан в момент, когда она заглядывает внутрь. В ее глазах — не страх, а жгучее любопытство. Это *именно* как в тех старых готических романах и в том самом фильме, который она смутно помнит.

Она делает шаг внутрь. Проход узкий, поворачивает сразу за входом, скрывая выход из виду.

Марта (ее голос доносится снаружи, приглушенный): Он довольно большой. И... запутанный. Мистер Арчибальд любил там гулять. Говорил, что помогает думать.

Сьюзан (оборачивается, но уже не видит Марту через зеленую стену): А вы не заблудитесь?

Марта (пауза): Я... не хожу в лабиринт, мисс Торнтон.

Ее тон говорит красноречивее слов: *не хожу, не хотела бы, боюсь*. Сьюзан смотрит вглубь зеленого коридора. Солнечный свет с трудом пробивается сквозь плотную крону, рисуя на земле извивающиеся узоры. Где-то в самом центре, наверное, должна быть беседка или статуя. Или что-то еще.

Она отступает на шаг, возвращаясь на солнечный свет. Не сейчас. Сначала нужно осмотреть сам дом. Но лабиринт теперь маячит в ее сознании как последняя, самая интригующая загадка этого места — живой, дышащий, таящий в своих извивах что-то, что, возможно, не хочет быть найденным.

ФИНАЛЬНЫЙ КАДР СЦЕНЫ: Сьюзан стоит спиной к темному входу в лабиринт, глядя на величественный, молчаливый фасад «Торнтон-Хауса». Ветер шевелит ее волосы. Решение уже созревает в ней, но оно теперь связано не только с деньгами и ремонтом. Оно связано с тайной. Она поворачивается и идет к дому, чувствуя на своей спине тяжелый, зеленый взгляд лабиринта.

Кадр 20: Библиотека или небольшой будуар рядом с вестибюлем.

После прогулки по саду и осмотра лабиринта Сьюзан и Марта возвращаются внутрь. Они оказываются в небольшой, уютной комнате с книжными полками до потолка (большинство

книг покрыты пылью) и глубоким кожаным креслом у камина, в котором, однако, не горит огонь. Сьюзан подходит к окну, глядя на фасад отеля, залитый утренним солнцем.

Сьюзан: (поворачиваясь к Марте, её голос звучит твёрже, чем накануне, в нём появилась энергия) Марта, в целом... отель потрясающий. У него есть душа. Такое чувство, что он просто... заснул.

Она делает паузу, собираясь с мыслями, как будто произносит решение вслух впервые.

Сьюзан: Я хочу его восстановить. Вернуть к жизни.

Марта, которая обычно стоит с невозмутимым, каменным лицом, слегка вздрагивает. Её руки, сложенные перед собой, слегка сжимаются. В её глазах, впервые за всё время, вспыхивает что-то живое — не просто служебное внимание, а глубокая, личная заинтересованность.

Марта: (тихо, почти с благоговением) О, мисс Торнтон... Это... это было бы чудесно. Мистер Арчибальд... он бы...

Она не заканчивает, сглатывая комок в горле. Для неё это не бизнес-план, а исполнение давней, почти утраченной надежды.

Сьюзан: (начинает ходить по комнате, жестикулируя, её речь ускоряется, в ней просыпается азарт наследницы, привыкшей воплощать проекты) Да, потребуется много времени. Очень много. И средств. Но это можно сделать. Первым делом нужно найти правильных подрядчиков. Строительную компанию, которая специализируется на исторических зданиях, а не просто сносчиков. Нужно провести полный аудит: фундамент, кровля, электричество, сантехника, системы отопления и вентиляции... Всё.

Она останавливается, её взгляд становится стратегическим, будто она уже видит перед собой диаграммы Ганта и сметы.

Сьюзан: И потом — реклама. Нужно создать не просто отель, а... легенду. «Возрождённая жемчужина эдвардианской эпохи». Цифровой детокс, исторические балы, охотничьи выходные... Можно привлечь прессу, блогеров, когда всё будет готово. Всё можно сделать, если подойти с умом.

Марта: (слушала её, кивая, но по мере того как Сьюзан говорит о подрядчиках и рекламе, её первоначальный восторг слегка меркнет, сменяясь тихой тревогой. Когда Сьюзан делает паузу, Марта делает шаг вперёд. Её голос звучит не как просьба обслуживающего персонала, а как мольба хранительницы)

Марта: Мисс Торнтон... Это всё... это звучит замечательно. Но... (она ищет слова, её взгляд скользит по резным панелям на стенах, по каминной полке из тёмного мрамора) Пожалуйста... только одно. Умоляю вас.

Сьюзан смотрит на неё, удивлённая этим внезапным эмоциональным всплеском.

Марта: (её голос дрожит от сдержанного чувства) Не меняйте... не меняйте уникальность этих комнат. Душу этого места. Можно починить паркет, но не менять его на блестящий ламинат. Можно обновить проводку, но оставить эти бра и выключатели... или сделать точные копии. Можно отреставрировать обои, а не срывать их и клеить новые, модные.

Она делает глубокий вдох, её глаза блестят.

Марта: Здесь всё — память. Каждый скрип половицы, каждый отблеск в витраже. Мистер Арчибальд говорил: «Здесь не дом, а машина времени». Если сделать всё новым и блестящим... это будет уже не «Торнтон-Хаус». Это будет... просто ещё один отель.

Пауза. Слова Марты повисают в пыльном воздухе библиотеки. Азартная энергия Сюзан сталкивается с этой пронзительной, старой верностью духу места.

Сюзан: (медленно, обдумывая) Ты права, Марта. В этом и есть его ценность. Не в том, чтобы сделать его удобным как современный отель, а в том, чтобы сохранить его *характер*. (Она улыбается, и в этой улыбке теперь есть уважение). Реставрация, а не переделка. Мы найдём мастеров, которые смогут работать с историческими материалами. Которые поймут, что мы здесь не строим заново, а... пробуждаем.

Крупный план: Лица Марты. На нём появляется выражение глубочайшего, немого облегчения и благодарности. Она кивает, не в силах вымолвить ни слова. В этот момент между молодой наследницей и старой хранительницей заключается негласный союз. Они будут не переделывать, а спасать.

Сюзан: (решительно) Хорошо. Начнём с составления списка. Самых неотложных проблем и самых ценных деталей, которые ни в коем случае нельзя трогать. Приступим?

Марта выпрямляется, и в её осанке снова появляется та самая безупречная, почти военная выправка, но теперь с новым смыслом — у неё появилась миссия.

Марта: Сейчас принесу блокнот и перо, мисс Торнтон.

Кадр 21: Вечер. Кабинет или гостиная на первом этаже.

День прошёл в составлении предварительных списков. Сюзан и Марта обошли несколько ключевых помещений, и Сюзан записывала в блокнот: «Протекает крыша над восточным коридором», «Трещина в стене балного зала», «Витражи в вестибюле — нужна реставрация, не замена». Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая комнаты в золотисто-багровые тона. Они остановились в одной из малых гостиных — комнате с тёмными дубовыми панелями и семейными портретами, чьи лица казались особенно суровыми в косых лучах заката.

Марта: (внезапно нарушая тишину, её голос звучит нерешительно, что для неё несвойственно) Мисс Торнтон... эта комната... да и весь отель... он очень своеобразный. Здесь есть своя... память. И не вся она приятная.

Сюзан отрывается от блокнота, поднимает взгляд.

Сюзан: Что вы имеете в виду, Марта? Истории гостей? Семейные тайны?

Марта: (смотрит не на Сюзан, а на портрет сурового мужчины с бакенбардами над камином — возможно, основателя отеля) Нечто большее. Здание... оно прожило много жизней. И некоторые следы остаются. (Она медленно поворачивается к Сюзан, и в её глазах читается внутренняя борьба). Как новая хозяйка, вы кое-что... должны знать. Рано или поздно.

Сюзан: (присаживается на край кресла, её интерес мгновенно обостряется) Знать что? Говорите, Марта. Я должна понимать, во что ввязываюсь.

Марта: (качает головой, отводя взгляд. Её руки сжимают край фартука) Нет. Не сейчас. Ещё рано. Вы только начинаете видеть его красоту. Нельзя... пугать. (Она делает шаг к двери, её фигура кажется съёжившейся). Простите. Я сказала лишнее. Просто... будьте внимательны. И если что-то покажется... странным, не спешите искать логичные объяснения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.